Важность полномочий прокурора на рассматриваемом завершающем этапе подчеркивает А.Г. Халиулин, который отмечает, что этот этап: «…имеет большое значение не только в связи с тем, что уголовное дело переходит из досудебных стадий в судебные, но и с точки зрения изменения функций прокурора по сравнению с предыдущим периодом…. Продолжая осуществлять надзорную деятельность на предварительном следствии, прокурор проверяет материалы уголовного дела с точки зрения их достаточности для разрешения дела в судебном заседании. В то же время, решая вопрос об обоснованности и доказанности выдвинутого следователем обвинения, прокурор должен иметь в виду, что, утвердив обвинительное заключение и направив дело в суд, он принимает на себя роль органа, осуществляющего уголовное преследование» [3, с. 197].

Исходя из логики исследования, следует дать определение этапу проверки прокурором поступившего к нему уголовного дела с обвинительным заключением – это деятельность надзирающего прокурора, направленная на изучение материалов уголовного дела и содержания обвинительного заключения с целью проверки на соответствие требованиям УПК РФ и дальнейшего уголовного преследования.

Таким образом, завершающие досудебное производство решения прокурора, в особенности об утверждении обвинительного заключения, так или иначе, касаются широкого круга субъектов уголовно-процессуальной деятельности, степень удовлетворения законных интересов которых различна, как и уровень защищенности их прав. В этом аспекте роль прокурора как гаранта соблюдения прав и свобод участников уголовного процесса существенно возрастает, ведь окончательное решение по уголовному делу остается за ним.

Литература

1. Подольная, Н.П. Деятельность прокурора по делу с обвинительным заключением : дис. … канд. юрид. наук / Н.П. Подольная. – М., 1974.

2. Токарева, М.Е. Современные проблемы законности и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук / М.Е. Токарева. – М., 1997.

3. Халиулин, А.Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России : учеб.-метод. пособие / под ред. А.Г. Халиулина. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.

4. Цапаева, Т.Ю. Участие прокурора в доказывании по уголовным делам / Т.Ю. Цапаева. – Самара, 2004.

5. Чеканов, В.Я. Прокурорский надзор на отдельных этапах предварительного следствия/ В.Я. Чеканов. – Саратов, 1974.

Князьков А.С., *канд. юрид. наук, доцент*
Юридический институт ТГУ

Некоторые проблемы тактики допроса, осуществляемого государственным обвинителем, и пути их решения

Проблемы тактики допроса в суде является одинаково актуальными для каждой из процессуальных сторон, а также для судьи. Эта проблемность задается не только реализацией состязательных начал отечественного уголовного судопроизводства, предполагающих существование разнополюсных интересов сторон обвинения и защиты, но прежде всего – природой идеальных следов, не до конца изученным психологическим механизмом восприятия события, удержания воспринятого в памяти и его воспроизведения как вербальными, так и невербальными способами.

Учитывая, что в связи с совершением преступления воспринимаются события, исключительные по своей социальной значимости, редко встречающиеся в жизни определенного субъекта, а также то, что воспроизведение воспринятого происходит в рамках

специфической общественной практики – уголовного судопроизводства, существует необходимость в особых правилах их «обнаружения», «изучения» и фиксации. Кроме того, идеальный характер следов представляет широкие возможности их видоизменения на любой стадии уголовного процесса, причем эти изменения могут быть результатом и осознанных, и неосознанных факторов. В последнем случае речь идет как о негативных для установления истины изменениях, так и позитивных (например, вспоминание лицом на повторном допросе тех обстоятельств, которые он не мог припомнить ранее).

В специальной литературе допрос чаще всего определяется как процесс получения следователем непосредственно от допрашиваемого лица сведений, имеющих значение для расследования уголовного дела; при этом сущностью данного следственного действия называется получение (востребование) сведений от допрашиваемого [1, с. 19]. Учитывая, что при таком понимании сущности допроса исчезает различие между понятием и сущностью допроса, отдельные авторы сущностью допроса любого лица, независимо от его процессуального положения, видят воздействие на психику и сознание допрашиваемого с целью получения от него полной и достоверной информации [2, с. 213; 3, с. 13]. Близко к такой позиции находится мнение А.В. Дулова о том, что применение методов судебно-психологического воздействия является основным содержанием допроса [4, с. 234].

Заслуживает внимания и точка зрения о том, что по своей психологической и гносеологической сущности допрос является одним из процессуальных видов взаимодействия, межличностного общения и обмена информацией допрашиваемого и допрашивающего, которое направлено на получение достоверной и полной информации [5, с. 9].

На наш взгляд, каждый из представленных подходов отражает лишь один аспект допроса, а именно: востребование объективных и полных сведений есть цель и результат допроса; взаимодействие, межличностное общение и обмен информацией является сущностью допроса, а психологическое воздействие – средством получения достоверных и полных показаний. Учет указанных аспектов, их взаимосвязь друг с другом, позволит в определенной мере уточнить соотношение понятий «предмет допроса», «тактическая задача», «объект тактического воздействия» и «тактическое воздействие» [6, с. 112-126].

Анализ содержательных причин проблемности тактики допроса, осуществляемого государственным обвинителем, о которых идет речь в литературе, показывает, что таковые связаны с невозможностью применения им весьма действенных на стадии предварительного расследования тактических приемов, получивших в криминалистике условное название «тактические хитрости». К их числу, как известно, причисляют прежде всего создание преувеличенного представления следователем (дознавателем) своей осведомленности о тех или иных обстоятельствах, а также возможность умолчания субъектом предварительного расследования об имеющихся в материалах уголовного дела сведениях.

Тот факт, что в суде эти приемы не имеют большого тактического потенциала, дополнительно подчеркивает бесплодность споров об их этическом аспекте. Вместе с тем в таком доктринальном суждении имеется рациональное звено: его суть состоит в необходимости разработки новых и совершенствования имеющихся, не основанных на феномене внезапности, тактических приемов.

Однако в силу того, что возможности конструирования принципиально новых тактических приемов следственных действий ограничены, на наш взгляд, необходим перенос методологического акцента разрешения проблем допроса в судебном следствии: от подчеркивания необходимости разработки особых тактических приемов (на том основании, что тактический инструментарий допроса на предварительном следствии не может с успехом использоваться в суде) к обоснованию перспективности корректировки тактических приемов допроса на предварительном следствии с учетом особенностей допроса в судебном следствии.

В этой связи интересными представляются имеющиеся в литературе суждения о роли внезапности на судебном допросе. С одной стороны, речь идет о том, что такти-

ческие приемы, основанные на факторе внезапности, хорошо проявляющие себя на стадии предварительного расследования, утрачивают свой тактический потенциал на судебном следствии, т.к. сторона защиты имеет возможность ознакомиться с материалами уголовного дела. С другой стороны, в качестве дестабилизирующего интеллектуально-волевую сферу фактора отмечается внезапность, порожденная публичным характером судебного допроса и задействованностью стороной защиты в полной мере принципа состязательности уголовного судопроизводства [7, с. 12].

Прежде всего нужно заметить, что особая организационно-психологическая атмосфера судебного следствия ставит всех ее участников, в т.ч. лиц, дающих ложные показания (и объективно, в силу этого, выступающих на стороне защиты), в ситуацию, когда необходимо быстро реагировать на вопросы субъектов уголовного доказывания. Таким образом, отмечаемые «психологические ножницы» в равной мере являются тактическим орудием как защиты, так и обвинения.

В том случае, когда субъект предварительного расследования исчерпывающе полно и объективно с учетом требований версионной работы произвел допрос того или иного лица, внезапность, определяемая возможностью исследования в суде предмета допроса с различных позиций, утрачивает свою актуальность. На наш взгляд, причина «синдрома внезапности» для добросовестного допрашиваемого кроется не только в особой публичности судебного разбирательства. Основная ее причина состоит в том, что государственный обвинитель, изучая протоколы допроса потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого, видит перед собой адаптированный под служебный стиль результат, из которого трудно увидеть особенности речи допрашиваемого и способы применяемой им аргументации. Изложенные без единого вопроса показания, причем структурированные независимо от того, в какой последовательности выяснялись отдельные эпизоды события, в «хронологическую линию» не дают государственному обвинителю и судье представления о том, выяснение каких обстоятельств при допросе конкретного лица вызвало наибольшие затруднения и в чем эти затруднения состояли.

Другой причиной является буквальное понимание отдельными субъектами предварительного расследования своей обвинительной функции. В результате этого в ходе допроса тех или иных лиц осуществляется «корректировка» их показаний, придание им исключительно обвинительного содержания, в то время как по своей форме допрос должен иметь характер обсуждения, анализа совместно с допрашиваемым лицом сообщаемых им сведений. Можно предположить, что в этом случае модель анализа и его результатов останется в памяти лица и будет актуализирована им в ходе обычного, перекрестного и «шахматного» допросов, без особых психологических затруднений.

Неверным, на наш взгляд, будет отказаться в судебном допросе от тактических приемов, основанных на внезапности вопроса. Однако вектор таких приемов должен быть иным: внезапность вопроса должна быть связана не с неожиданным предъявлением вещественного и иного доказательства, а с внезапным для допрашиваемого лица алгоритмом исследования показаний, данных им на предварительном расследовании, а также в судебном следствии.

Другим должна быть и структуризация психологического контакта государственного обвинителя с допрашиваемыми лицами: на первое место должны выходить вопросы демонстрации психологической поддержки лицам, дающим правдивые показания, поскольку это в определенной мере может снять психологическое напряжение, создаваемое для них особой атмосферой судебного разбирательства. Такая поддержка должна проявляться в ходе применения любой из форм допроса.

Демонстрация сомнения в правдивости показаний, идущих вразрез с линией обвинения, должна носить производный характер: ее конкретные вербальные и невербальные, логические и эмоциональные проявления должны строиться с учетом причин дачи тем или иным лицом недостоверных показаний. Тактический выигрыш такого дифференциального подхода состоит в том, что государственный обвинитель в глазах участников судебного разбирательства предстает субъектом, который осуществляет уголовное преследование не в силу должности как таковой, а в силу стремления устано-

вить истину по уголовному делу.

Иной, на наш взгляд, должна быть и оценка тактического потенциала свободного рассказа допрашиваемого лица в судебном разбирательстве. Вопросы, которыми государственный обвинитель предваряет свободный рассказ, должны ориентировать допрашиваемого на раскрытие положений, безусловно доказывающих виновность подсудимого. При этом, разумеется, такие вопросы не должны быть наводящими.

Тактика поддержания государственного обвинения состоит в том, чтобы использовать оптимальным образом имеющиеся у государственного обвинителя доказательства, представить их суду в наиболее убедительном виде, доказать законность и обоснованность обвинения конкретного лица в совершении исследуемого преступления. По этой причине государственный обвинитель должен озаботиться последовательностью представления показаний свидетелей «обвинения», которые в необходимых случаях могут быть приглашены для допроса. В этом случае действия государственного обвинителя строятся по правилам производства тактической комбинации, представляющей собой проведение комплекса следственных действий по заранее разработанному плану, в строго определенной последовательности, позволяющей, в числе прочих тактических задач, преодолеть противодействие, оказываемое стороной защиты.

Перспективным, на наш взгляд, является исследование вопроса о том, каким по характеру должен быть «тактический ответ» государственного обвинителя в том случае, когда защита при допросе и иных судебных следственных действиях прибегает к тактическим приемам, основанным на эмоциональном воздействии: таким же эмоциональным либо логически выдержанным, основанном на использовании логического начала тактических приемов. Также требует своего разрешения и вопрос о том, какие по характеру воздействия тактические приемы необходимо применить государственному обвинителю, если защитник выбирает приемы, основанные на логических положениях. Более сложной представляется проблема выбора между эмоциональным и логическим построением допроса государственным обвинителем в том случае, когда судебное разбирательство осуществляется в суде присяжных: требует исследования вопрос о принципах «тактической ориентации» следователя, имея в виду необходимость одновременного воздействия и на допрашиваемое лицо, и на присяжных заседателей.

Литература

1. Порубов, Н.И. Допрос в советском уголовном процессе / Н.И. Порубов. – Мн., 1973.

2. Кривошеин, И.Т. О сущности допроса / И.Т. Кривошеин //Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества : сб. ст. / отв. ред. В.Ф. Волович. – Томск, 1988.

3. Кривошеин, И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого : монография / И.Т. Кривошеин. – Томск, 2001.

4. Дулов, А.В. Судебная психология / А.В. Дулов. – Мн., 1970.

5. Доспулов, Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии / Г.Г. Доспулов. – М., 1976.

6. Князьков, А.С. Тактическое воздействие и субъект тактического воздействия / А.С. Князьков // Ученые записки. Вып. 5 : сб. науч. тр. Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия – Томск : Изд-во ФГУ «Томский ЦНТИ», 2011.

7. Питерцев, С.К. Тактика допроса в суде / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. – СПб., 1998.